

Мы ехали в Табасаран — горный район Дагестана, где Мураду Кажлаеву предстоял шефский авторский концерт. Путь ждал не далёкий, бывали дороги куда длиннее. Например, в Сибири — он исколесил ее, знакомая сибиряков с новинками дагестанской музыки. Но по местным понятиям Табасаран — глубинка, шоссе к нему закручено серпантинном, то взмывающим в небо, то круто падающим в ущелье. Шофер микроавтобуса, естественно, осторожничал, и Мурад, поглядывая на часы, нервничал: опоздаем!

Приверженность точности, обязательности он вынес из консерваторских стен. Его педагог Б. Зейдман, пестовавший Мурада с музыкальной школы, попросил посетившего Баку Д. Шостаковича послушать Кажлаева: «Весьма, весьма одарен. Уже в двенадцать лет выступал с собственными сочинениями. В госпиталях. И сейчас, знаете, интересен...»

Профессор умолчал, правда, что его воспитанник больше известен в городе как отчаянный мотогонщик, что увлечен джазом, что поначалу индустриальный институт предпочел консерватории, что был даже исключен из нее с холодной формулировкой...

Время пребывания Д. Шостаковича в Баку было расписано едва ли не поминутно. Тем не менее он дал согласие и в назначенный час явился в класс. Но не явился студент — по всем данным, проверенным и перепроверенным им. Дмитрий Дмитриевич именно в этот час должен был находиться на важной официальной беседе, и, следовательно, его согласие — не что иное, как вежливость, нежелание обидеть кого-то отказать.

Великий Шостакович, терпеливо и напрасно ожидающий в комнате, — это осталось уроком на всю жизнь.

Позже, совсем немного лет спустя, когда на первом съезде Союза композиторов России Кажлаева избрали в правление союза, Д. Шостакович, утомленный заседанием, глянул на него укоряюще сквозь стекла очков и не спросил — напомнил: «А в Баку вы с нами не встречались?»

На очередном подъеме в лобовое стекло автобуса хлестнул дождь, и через несколько метров машина забуксовала. «Выходим», — сказал Мурад. Мы раскисли и толкали ее, таяли за выступы в корпусе, наваливались скопом... Оказались рядом прохожий, вряд ли угадал бы он в Кажлаева — на туженном, взмокшем, с неистовством выдирающем из грязи «рафик», — солидного, известного всей стране композитора, после фамилии которого обычно называют первый дагестанский балет «Горянка», симфоническую фантазию «Утро Родины», симфоническую поэму памяти героев-панфиловцев, симфонические фрески «Фархад и Ширин», сотни других произведений. Кажлаев, выросший в семье, где отец, мать и все их сыновья, кроме Мурада, были врачами, походил на человека, чья жизнь с детства, изо дня в день, состояла из тяжелой физической работы, научившей делать ее, не чертыхаясь и не кланя, потому что слова ослабляют мускулы.

Вчера вечером он, облаченный в торжественный фрак, дирижировал оркестром, исполняя свою праздничную кантату, посвященную 60-летию автономии Дагестана. К концу концерта Кажлаев выглядел более усталым, нежели теперь, после нашей артельной суеты вокруг «рафика», но мое сочувствие отверг:

— Все нормально. Я дирижировал многими оркестрами и за рубежом тоже. И убедился: выше наших, советских, по интеллекту нет. Вот пример — концерт последнего съезда композиторов России. В открытии — первое исполнение моих Симфонических фресок. На репетицию с оркестром Московский филармонии всего — о, ужас! — час. Но вечером они

люди искусства

Концерт в Табасаране

В. СВИРИН

играли прекрасно... Так, как наши играют с листа, никто не может...

Но то было вчера, а сегодня мы «сидели» в мягкой колее по дороге в Табасаран.

Выручил нас встречный «газик». Из него выпрыгнули трое, судя по всему, давние знакомые Кажлаева: здоровались с ним по имени-отчеству, вспоминали каких-то людей, названия каких-то аулов. Налегли вместе с нами на «рафик», и тот, выстреливая из-под колес струями щепы, пополз вверх. Трое долго смотрели нам вслед.

И все-таки они не были знакомыми. Возможно, эти люди знали Кажлаева с тех времен, когда он развезжал по селениям, записывая музыкальный фольклор. Или с тех, когда он, возглавив симфонический оркестр дагестанского радио, привез его — небывалое, невиданное предприятие, на которое толпами стекались окрестные жители! — в высокогорное село. Не исключено, что они видели и слышали Кажлаева с созданным им вокально-инструментальным ансамблем «Гуниб». Мурад тогда сочинял для ансамбля, утверждая собственный стиль, позже метко охарактеризованный композитором Андреем Петровым:

«Он не только вводит симфонические приемы в джазовые сочинения, но и джазовые мотивы — в симфонические и камерные произведения. Его сочинения всегда ярко национальны, современны по форме, по арсеналу средств»

«Гуниб» был его детищем. Он придумывал для него костюмы, программы, по собственным эскизам изготовил — опять же сам! — барабаны.

Вот наконец мы и добрались до районного центра Табасарана селения Хучни. Скромная, в половину газетной страницы афиша висела на стене Дома культуры. Своей непритязательностью она напоминала приглашение на первый авторский концерт Кажлаева в 50-х годах — билет был отпечатан на пишущей машинке с фиолетовой лентой. Но суть не в афи-

ше — зал не вместил всех желающих.

Пока настраивали фортепиано, Мурад рассказывал. Он представлял приехавших с ним: талантливого скрипача Мурада Абуева, певца Ларису Шутову и Ириду Отиева, солиста Центрального телевидения и Всесоюзного радио Леонида Серебренникова. В зале ждали: а когда же о себе? Однако фортепиано уже привели в порядок, и Кажлаев опустил пальцы на клавиши...

Кажлаев не говорил о себе, и это для него обычно. Известно от очевидцев: в США, в клубе ассоциации, принимавшей делегацию молодых советских специалистов, ведущий объявил его выступление, особо подчеркнув, что Мурад Кажлаев — признанный и популярный на родине композитор, один из создателей профессиональной музыки Дагестана. Быть «одним из создателей» в тридцать с небольшим лет — ах, какой простор для тщеславия и желания при всяком удобном случае показать себя! Мурад же, едва умолк переводчик, сел к роялю и сыграл «Танец с саблями» Арама Хачатуряна. Не потому, что нечего было показать. Как раз тогда их делегация подарила знаменитому Дюку Эллингтону партитуру кажлаевского Африканского концерта для джаза, и разборчивый, требовательный Дюк с блеском исполнил в то время концерт, через два года принеся Мураду звание лауреата джазового конкурса в Праге.

Те же очевидцы свидетельствуют: затем Кажлаев отвечал на вопросы, и в каждом ответе высвечивались преобразенный Дагестан, край строев Сибирь, былинный Казахстан... Такое, верно, устраивало не всех, иначе не выкрикнули бы из задних рядов:

— Вот вам коммунист, нацеленный на пропаганду!

— Я беспартийный, — уточнил Кажлаев — Но дело партии — мое кровное дело. Это дело моего отца и моего народа. И я хотел бы справиться с ним так, чтобы услышать похвалу отца.

Жизнь огромной страны в трудах и свершениях одарила его вдохновением, сюжетами, героями. На авторском вечере в Табасаране он возвращал этот дар людям, сидящим в зале, и зал откликался аплодисментами.

Впрочем, вечер мало напоминал авторский. Шутова, Отиева, Серебренникова пели песни Кажлаева из фильмов и песни с пластинок, старые и новые, элегические и шуточные, маршевые и лирические. Кажлаев отдал певцам сцену, оставив себе роль аккомпаниатора и иногда комментатора по необходимости — понадобилось объяснить, что на Свердловской киностудии снята музыкальная лента по сценарию А. Абу-Бакара «Пора красных яблок» и сейчас прозвучит песня из нее.

Были в концерте и другие премьеры — из фильма «Снежная свадьба», пока не вышедшего на экран, из фильма «Кольцо старого шейха»...

Все имеет конец, закончилась и встреча. Обратный путь вывел нас на зеленую гору. У ее подножия, в долине, билась о валуны река, а здесь, на вершине, было тихо, ниже, у нас под ногами, широкое течение невидимых ветров под прямым углом сгибало вертикальные дымы домашних очагов и поглощало звуки.

Гору венчала древняя крепость. Крупные камни ее надежно держались на десятке легенд, где ружейные выстрелы сменялись звоном клинков, корысть толкала к коварству, честь и верность карали отступничество...

Захватывающе, остроумно пересказывал их Гаджиали Алимуратов — директор местного производственного объединения. Это он настоял на восхождении и сам вызвался в гиды. Может, потому, что много и пока безуспешно занимался судьбой крепости, а гость три сокола был депутатом Верховного Совета Дагестана, и кто, как не он, на собственном опыте познавший, куда, к кому и как обратиться, чтобы выполнить наказ, просьбу избирателей, полезен тут? Может, вызвался потому, что узрел в Кажлаеве родственную душу: Гаджиали издал несколько приключенческих повестей, а Кажлаев — любитель детективов. Или руководила директором добрая надежда: а вдруг легенды подвигнут композитора на нечто подобное балету «Горянка»? Ведь все его работы, в чем Кажлаев признавался не раз, есть увиденное, услышанное, но переведенное в музыкальные образы. Даже названия произведений хранят эту зримость: симфонические фрески, симфоническая картина, танцы картины, миниатюры и т. д., и т. п. Почти зеркальное отражение действия воспроизводит музыка, и если речь в ней, скажем, о народном празднике, на котором был Кажлаев, то музыка зримо воссоздает в нашем воображении веселую, шумную толпу на площади, где состязаются джигиты, акробаты, канатоходцы, мельканье пестрых одежд, лиц, выкрики, ослепительное сверканье красок.

Гаджиали усердно демонстрировал крепость, спрашивал каждого: ну, как впечатление? Кажлаев нашел, что крепость в хорошем состоянии, нужно только чуть-чуть прибрать в ней, почистить, и, пожалуйте, Хучни получает готовый концертный зал под открытым небом, отличное место для районного фольклорного фестиваля. Идея эта настолько увлекла его, что, когда мы спустились, он изложил ее первому секретарю райкома партии Омару Османову. Тот перевел разговор в конкретное русло, чем оба оказались довольны. Договорились. Мурад возглавит жюри фестиваля, подумает об организационных деталях, посмотрит самостоятельные коллективы и в мае вновь приедет в Табасаран.

Но это уже другая поездка, другой рассказ.

Народный артист РСФСР Мурад Кажлаев.

Фото А. Евстигнеева.